

РЕЗЮМЕ

В настоящем номере журнала публикуются доклады научной сессии, организованной в честь 25-летия Института Исторических наук. Доклад *Пах Жигмонд Пала и Ранки Дьердя* дает обзор отдельных этапов 25-летнего развития института. На первом этапе существования основанного в 1949 году института основной задачей была разработка вместо старой, консервативной, идеалистическо—исторической картины новой, которая получает перспективу с точки зрения рабочего класса, и вписывает венгерское национальное прошлое в общую картину европейского международного развития. В это время происходит марксистская трактовка крестьянской войны 1514-го года, выходит в свет большое количество работ о борьбе за национально-государственную независимость, об истории 1848—1849-ых годов. Важные результаты были достигнуты историографией экономики. Однако надо отметить и ошибки, в результате которых исторические процессы упростились, схематизировались.

Второй этап истории Института начался после 1956-го года. В это время получают права преимущественно работы, связанные с первоисточниками, и работы-монографии.

Большую роль в достижениях института сыграл известный ученый-общественник Эрик Молнар, возглавлявший институт до самой своей смерти, последовавшей в 1966-ом году. В это время началось исследование одного из ключевых вопросов истории развития Венгрии, а, именно: причин, которые параллельно с развивающимся на западе капиталистическими тенденциями привели ко второму этапу крепостничества в Венгрии и в других странах Центральной и Восточной Европы. В дальнейшем институт оставался одним из высокоценных научных центров по изучению истории средних веков, но внимание и исследователей постепенно концентрировалось на современной эпохе. Значительные результаты были достигнуты в области предистории и оценки компромисса 1867-го года, были опубликованы работы-монографии о структуре земельных реформ 19-го века, об истории крестьянства и аграрного пролетариата. Повышенный интерес к новейшим временам привел к необходимости создания нового отдела института, который занимается периодом после 1918-го года. В результате деятельности нового отдела вышли в свет в первую очередь монографии о политической истории этого периода, а также документальные издания; работы по истории экономики в значительной степени помогли созданию дифференцированной картины времен Хорти. Исследование мировой истории в первую очередь сказалось на результатах в области исследования истории экономики Средней и Восточной Европы, идеологии и истории дипломатии, а также в работах об истории международного рабочего движения.

Под редакцией Эрика Молнара в середине 60-х годов вышел в свет первый марксистский синтез истории Венгрии. Успех этой работы и события последних лет заявили о необходимости приступить с полной концентрацией всех сил института к более сложной работе: созданию 10-томной истории Венгрии. Организаторская работа была начата в 1968 году и первый том, посвященный истории страны в период между двумя мировыми войнами, выйдет в свет в 1975 году. Параллельно с работами, связанными с созданием 10-томной истории Венгрии, в институте внедрялись новые методы исследований, среди которых особую важность имеют математические, а также методы использования марксистской компаратистики. В деятельности института все больше внимания уделяется истории общественного сознания, истории образования.

В рамках научной сессии *Пах Жигмонд Пала* зачитал доклад на тему: «Средневековая левантийская торговля и Венгрия», который обратил внимание на старый дискуссионный вопрос нашей исторической литературы: проходили ли левантийские торговые пути через Венгрию. Это предположение возникло в конце 18 — начале 19-го веков. Объяснение

вопроса двоякое: с одной стороны французский континентальный кордон и английская морская блокада направили левантийскую торговлю по сухопутью в сторону Австрии и Венгрии, это и явилось одним предположением объяснением возникшего предположения. Другой источник предположения берет свое начало в попытке исторического оправдания прав трансильванских саксонцев, подчеркивая, что в 14—15-ом веках эта торговая дорога проходила через Трансильванию в именно саксонцы осуществляли эту торговлю.

В 80-х годах прошлого века специалист по истории средних веков Вильгельм Хайд произвел переворот в оценке средневековой левантийской торговли. Независимо от него венгерские историки также пришли к выводу, что Венгрия получала товары из Индии через Адриатическое море. Аргументация Хайда относительно 11—12-го веков была применена к 14—15-му векам, к Трансильвании и к саксонцам. К первому актуально-политическому аспекту этого мнения причисляется открытие Суэцкого канала, который похоронил ту надежду, что новая торговля пройдет по суше. Однако румынские историки резвили старый тезис с тем изменением, что посредниками в торговле были не саксонцы, а румынские князья.

Ласло Маккаи зачитал доклад о международных аспектах антигабсбургского восстания Бочкаи. в 14-ом веке. Вплоть до 30-тилетней войны западные державы воздерживались от вмешательства в дела этой провинции, и в том, что они стали обращать внимание на эти движения, видя в них потенциальных антигабсбургских союзников, большая заслуга принадлежит восстанию Бочкаи. В введении автор дал обзор исторической литературы, занимающейся внешней политикой восстания, указал на новые моменты в связи с найденной в английском королевском архиве декларацией, которую руководствующая верхушка направила делегации польского дворянства, посетившей Бочкаи до созыва государственного собрания в Серенче (1605 г.) и предложившей свое посредничество в делах между Габсбургами и Бочкай. Значит, внешнеполитическое начало восстания Бочкаи имело более ранние предпосылки, чем это до сих пор предполагалось. Затем автор сравнивает эту декларацию с одновременно с ней возникшей декларацией «*Querelae*» (конец 1604-го года), которая суммирует жалобы, направленные против императора Рудольфа: обвиняет императора в истреблении нации. «*Querelae*» был адресован протестантским немецким монархам: в введении констатируется, что восстание оправдано уже только незаконностями, оно не возникло только до сих пор лишь потому, чтобы не ослабить антитурецкий фронт. Декларация после этого в общих чертах говорит о свободе веры, которая в равной степени относится как к протестантам, так и к католикам. Касаясь международных отношений, «*Querelae*» несколько преувеличивает опасность Габсбургской гегемонии. Здесь надо было защищаться от обвинения немецких монархов в дружбе с турками и более осторожно обвинять абсолютизм, тогда как в обращении к польской делегации, напротив, казалось необходимыми подчеркнуть добрососедские отношения с турками и более резко осудить абсолютизм.

Автор в заключении констатирует, что восстание Бочкаи имело влияние на польское дворянство, пункты послышкой дворянской конфедерации совпадают (август 1606-го года) совпадают с пунктами мирных переговоров в Вене между Бочкай и Габсбургами.

Доклад *Агнеш Варкони* «Идея освобождения от турецкого ига в венгерском политическом мышлении середины 17-го века».

Два плана об освобождении от турецкого ига, разработанные в начале 1660-ых годов, опирались на полуторавековые венгерские и европейские традиции. Множество листовок, появившиеся на свет в Европе и занимающиеся вопросом изгнания турок, по своему содержанию опираются на две работы. Одна из них — обращение францисканов, адресованное римскому папе Льву X-му, — возникла в начале 16-го века и неоднократно издавалась под названием «*Anschlag wider die Türken*» или под подобными названиями, а другая — проповедь Мартина Лютера «*Eine Heerpredigt wider den Türken*», позвучавшая в 1542-ом году. Изложенные в этих двух работах планы, связанные с турецкими завоеваниями, не оправдали себя, и все больше на первый план выступали такие частные вопросы двух листовок, как всеобщая трудовая повинность, требования организации армии, интересы и задачи государства, сущность турецкой системы власти. Совершенно иная, хотя и опирающаяся на тезисы предыдущих двух листовок, идея дипломата императора Рудольфа, фламандца Бусбегунса «*Exlamatio: sive de re militari contra Turcam*»: задача и основной экономический интерес государства в организации обороны против турок — создание национальной регулярной армии, базирующейся на народных силах. Общеизвестно, что эта работа оказала влияние на Зрини при написании «*Török áfium . . .*», однако менее известно, что венгерские планы также повлияли на работу Бусбегунса, что венгерские политические и идеологические предпосылки о международном антитурецком союзе относятся к концу 16-го века, ко времени 15-тилетней войны. Эти планы были построены на двух

базисах: 1. на международную помощь может рассчитывать лишь такое венгерское общество, устойчивость которого обеспечена внутренними порядком и реформами, 2. организатором союза может быть лишь государство, т. е. либо Трансильванское княжество, либо Габсбургское государство. В центре организации стоял Рейнский Союз, созданный после вестфальского мира при помощи и участии Франции, другим организаторским полюсом являлось движение венгерских крупных дворян Вешелени, Надашди и Миклоша Зрини. Венгерские политики установили непосредственный контакт с манизским кардиналом Иоганном Филиппом, главой рейнского Союза, и министрами Людовика XIV-го и организовали восточно-европейское крыло союза при участии Трансильвании и румынских княжеств. Документы, найденные за последнее время (например, несколько писем Зрини, датированные 1663—64-ым годами) опровергают утверждение о том, что Зрини в противовес международному сотрудничеству проповедовал лишь использование национальных сил. Государство Габсбургов по своему положению, как общественному, так и географическому должно было стать организатором войны против Турции, но государственные интересы привели к созданию противоречивых ситуаций: ради своих западных интересов Габсбурги были заинтересованы в мире на востоке, поэтому Габсбургское государство поддерживало идею о мире с Турцией. С другой стороны, если Габсбурги открыто выступают против европейского общественного мнения, требующего изгнания турков, это сильно повредит авторитету династии. Это является источником характерной двойственности 1660-ых годов. и дает новые мотивы для объяснения того, почему Габсбурги откладывали изгнание турков на четверть века. Данные, перечисленные автором, а также исследования в этой области еще далеко не закончены.

Густав Хекенаст зачитал на научной сессии доклад на тему: «Венгерская промышленность 18-го века и экономическая политика Вены». В введении докладчик указал на то, что в 18 и 19-ом весьма редко встречался венгерский историк, который рано или поздно не признавал бы колониальную или полуколониальную зависимость Венгрии от Вены в 18-ом веке. Правда и то, что в настоящее время практически нет никого, кто признал бы эту версию. Автор подчеркнул, однако, что промышленное развитие Венгрии и австро-чешских территорий в 18-ом веке по разным причинам сильно отличается друг от друга. Вопрос в том, что с какого времени имеют место эти различия. Предшествующие работы датируют отставание венгерской промышленности временами Марии Терезии. В 4-ом томе 10-ти томной истории Венгрии уточняется эта концепция. С одной стороны, отрицается признанная даже в наши дни точка зрения австрийских историков-экономистов, по которой время Карла IV-го было упадком развития промышленности по сравнению с эпохой Леопольда I-го и утверждается, что имело место непрерывное развитие вплоть до царствования Марии Терезии. С другой стороны, доказываются, что отставание венгерской промышленности началось намного раньше, корни его относятся к средневековью, в 1670-ом году уже имел место сам факт отставания. Проблема должна быть рассмотрена с точки зрения всей империи: с одной стороны венгерское развитие промышленности надо сравнивать не только с австро-чешским развитием, с другой стороны, рассмотреть вопрос о том, что таможенная политика Вены являлась ли отрицательной для Венгрии. Дальнейшие исследования должны исходить из того факта, что из единой таможенной территории (1775) Австрии и Чехии были исключены две группы стран империи: стран венгерской короны, с одной стороны, и Тироль и Вораарлберг с другой. Если здесь имела место сознательная дискриминация, то это относилось и ко всем остальным частям империи, и, в сущности, речь идет о сознательной экономической политике, утверждающей, что каждой стране надо развивать уже имеющиеся отрасли промышленности. Исходя из таких принципов, в Венгрии усиленно развивали горное дело и металлургию. Такая политика имеет ограничения: нехватка капитала и квалифицированных рабочих. Значит, недостаточно исследовать экономическую политику, надо исследовать также ее эффективность и факторы мешающие ее осуществлению. Двор размышлял в рамках всей империи, фантазия дворянства не переступала через границы отдельных стран.

Работа *Эмиля Нидерхаузера* занимается ролью литературы и науки в освободительных движениях Восточной Европы. Первая половина 19-го века — эпоха образования наций, время подготовки буржуазных преобразований. Нации эти, за исключением русской, в той или иной форме находились под иностранной властью, и, поэтому в сознании современников эпоха эта отражается как эпоха осуществления национального единства и независимости, второстепенными вопросами ее являются, например, отмена крепостного права, завоевание либеральных прав свободы, поскольку это необходимо лишь для того, чтобы помочь национальному развитию. Национальный мотив поэтому стал господствующим и в поэзии, и в прозе. Эта черта характерна также для формирующейся в эту пору

первой и самой важной национальной науки — историографии, которую в то время почти невозможно отделить от художественной литературы. Эта наука по своему с самого начала стоит на высоком уровне и даже если и перемешивает факты с легендами, реальную точку зрения и нереальные сны, это не зависит от способностей самих историков и подчиняется лишь уровню развития их нации. Они, с одной стороны, стремятся по возможности создать для своего народа древнюю и славную историю, а, с другой стороны, доказывают, что страна по праву принадлежит ее народу. Эту задачу осуществляли серб Райч, болгарин Паиский, тройка трансильванских румын: Мику-Клейн, Шинкаи и Майор, а также, но уже на более высоком уровне, вооружившись научными данными эпохи, чех Палацки, словак Шафарик и поляк Лелевел. Из этого вытекает, что историография стояла на первом месте среди наук, занимающихся вопросами нации, и в рамках ее брали свое начало другие национальные науки — история литературы, этнография; независимо от нее, с целью обновления языка, появилось лишь языковедение. Литература и наука обращалась ко всему народу, хотя это понятие включало в себя лишь дворянство, буржуазию и интеллигенцию. В эту эпоху историк или поэт играет непосредственную политическую роль в общественной жизни. Во второй половине доклада Эмиль Нидерхаузер исследует роль литературы и науки во второй половине века, когда вопросы буржуазных преобразований и национальной независимости либо разрешались в какой-нибудь форме, либо снимались с повестки дня. Литература оставалась в дальнейшем связанной с вопросами общественного развития, но уже не играла роли в проблеме о судьбе нации. Критический реализм и натурализм также способствовали оценке современности. В научной области к этому времени относится возникновение независимых национальных наук. Несмотря на то, что, как литература так и история, делаясь частью школьной программы, становятся доступными все более широким слоям населения, ни одна из них не превращается в непосредственную политическую силу. В процессе общественного развития непосредственная действующая сила литературы и науки уменьшается, их места занимают другие силы и факторы (политические течения, идеи, партии), что является одновременно движущими силами в развитии общества.

Ференц Мучи в своем докладе говорил о вопросах социалистического рабочего движения Австро—венгерской монархии. В введении проанализировал стадии исследования истории рабочего движения. В Институте Исторических Наук, с самого момента его образования ведутся такие исследования, но в области изучения происхождения и образования отдельных слоев рабочего класса необходима еще длинная кропотливая работа. Детально исследованы история образования и существования первых лет Венгерской социал-демократической партии. Раньше историческая литература обвиняла социал-демократов в том, что они не стали во главе движения за национальную независимость. Эта концепция была ошибочной по двум причинам: с одной стороны, партия могла бы выступить с вопросом о национальном самоопределении только совместно с вопросом о самоопределении других наций и национальностей, точки зрения которых часто не совпадали, а это делало бы такое выступление спорным, с другой стороны, такой подход предполагал полукOLONиальную, или хотя бы очень сильную зависимость Венгрии, что в настоящее время считается необоснованным. Напротив, сама партия считала распад империи невыгодным, указывая, что надо сохранить экономическое единство, но надо прекратить любую национальную дискриминацию. Для достижения этой цели считалась необходимой демократизация империи и, как первый шаг этого, завоевание всеобщего избирательного права. Другая часть доклада посвящена вопросу связи партии и крестьянства. В связи с этим автор указывает на то, что аграрную резолюцию конгресса 1894-го года оценили как реформистскую и сектанскую, потому что исходили из того представления, что аграрный вопрос может быть разрешен только в рамках социалистического общества. Такая точка зрения социал-демократов в то время была общепризнанной в рабочем движении, с этим мнением руководство партии не хотело спорить и, поэтому, не поддерживало требования крестьянства о разделе земли. В начале нашего века точка зрения партии по аграрному вопросу изменилась, но и тогда еще партия не поняла необходимости ликвидации больших имений. Здесь речь идет не о «сознательной измене», а об объективных процессах, которые в то время привели к разделению борьбы двух стран.

Работа *Петера Ханак* также занимается вопросом, связанным с историей общества 19-го века: «Становление буржуазии и ассимиляция в Венгрии в 19-ом веке». 19-ый век стал вершиной популяции венгров. По данным переписи населения в 1878-ом году из 8-ми миллионного населения страны 40% жителей были венграми, а по данным 1910-го года в Венгрии проживало 10 миллионов человек, составляющих 80% населения, родным языком которых был венгерский. Такая большая разница была результатом ассимиляции, кото-

рую докладчик отделил, как формальное, так и исторически, от спонтанного этногенеза и этномутации средневековья, завершившихся в 18-ом веке. Больше всего подверглись ассимиляция немцы, евреи и словаки. Причины ассимиляции исследовались автором отдельно для каждой из этих наций. В следующей части своего доклада автор исследует тесную связь между современным товаропроизводством и урбанизацией и ассимиляцией. На основе убедительных данных обосновывается тезис о том, что ассимиляция явилась результатом проявления основных процессов буржуазной экономики: образования национального рынка, функционирования сети торговли, транспорта и кредитной системы, а также появления современной промышленности и городов.

Массовую, ассимиляцию целесообразно истолковывать, как процесс, длившийся в течении многих поколений; он связан с образованием бюргерства; государство и господствующие слои общества могут стимулировать этот процесс, но агрессивное вмешательство принесет ему только вред. Данные убеждают автора, что в Венгрии 18-го века речь шла о естественной ассимиляции, а не об агрессивном уничтожении национальностей. В следующей части своей работы автор рассматривает общественные мотивы ассимиляции. Буржуазное общество являлось только основанием, и задавало рамки ассимиляции, такой процесс мог быть быстрым лишь тогда, если ему сопутствовал общественный подъем. В буржуазном и мещанском мировоззрении стать венгром означало добиться высокого положения в обществе: понятие высокого положения в обществе было идентично понятию венгерства. Из этого вытекает второй тезис доклада: ассимиляция является функцией обуржуазивания, а, конкретно, в Венгрии, функцией специфичного венгерского обуржуазивания. Если это так, то процесс определялся, не слабым немецким бюргерством, а либеральным средним дворянством. В дальнейшем работа дает ответ на вопрос, в каких профессиях надо искать миллионные массы ассимилировавшихся. Имеющиеся в распоряжении данные разрешают наметить только главные направления. Из тесной корреляции процессов ассимиляции и обуржуазивания вытекает вывод о том, что ассимилировавшиеся разместились в буржуазном мире, т. е. в промышленности, в торговле, в транспорте. Общеизвестно, что в рождении венгерского пролетариата важная роль принадлежала рабочим из других стран или из числа представителей национальностей. В столице в 1857-ом году — 23%, а в 18975-ом году — 25% являлись переселенцами из Австрии и из Чехии. После 1867-го года новый класс примерно на 40% составляло население венгерского происхождения, на 1/3 — немцы, на 6—8% — словаки. Перед первой мировой войной венгры составляли 2/3, а в столице — 80% пролетариата. Буржуазные ассимилянты устроились в основном в трех областях: в промышленности, в торговле и о кредитной системе, а также в интеллектуальной сфере. Они имели немецкое и еврейское происхождение. Богатая часть бюргеров покупала земельные владения, а вместе с этим часто с дворянским титулом. Сюда можно причислить и возрастающее число буржуа-арендаторов. Характерным, однако, был *предприниматель*, ориентирующийся на получение прибыли. Третий тезис автора утверждает, что ассимиляция ускорила и вывела венгерское обуржуазивание на уровень средне-восточной Европы, создав экономический базис, а также, что не менее существенно, культуру и цивилизацию.

Из специфичной сущности ассимиляции вытекает, что новая буржуазия свою функцию выполняла не полно, не разрушала старые дворянские традиции и мораль: ведь большая часть имущих бюргеров в завершение карьеры в экономике или в государственной службе приобрела и дворянский титул и земельные имения, их целью было попасть в число венгерского среднего дворянства. Изменения наступили только в самом начале нашего века в результате возникновения демократической средней буржуазии и интеллигенции.

Четвертой тезис автора можно резюмировать следующим образом: обуржуазивание в соответствии с международными нормами требовало ассимиляции, а это, в свою очередь, способствовало ускоренному росту слоев, связанных с буржуазным обществом. На вопрос, как выполняли эту роль ассимилянты, можно ответить, что их роль была положительной, хотя в политике, главным образом, и в обществе имелись и отрицательные тенденции. Анализ не может быть отделен от вопроса развития всего венгерского общества.

В заключении автор подчеркивает, что состав венгерской нации, ее материальный и духовный уровень в 19-ом веке изменились значительно, чем за все предыдущие столетия. Качественное изменение принесло в первую очередь изменение формации: революция 1848-го года и ассимиляция могут быть рассмотрены только как часть этого изменения.

«Народное движение в кризисе 1930-х годов», таково название работы *Миклоша Лацко*. Народное движение с политико-идеологической точки зрения может считаться в Венгрии самым значительным вариантом «третьего пути», к которому имело склонность каждое духовно-политическое движение 30-х годов. Общественной базой течения являлась часть интеллигенции, отошедшая от крайне левых и крайне правых групп, или

от социалистов. До появления этого движения перед интеллигенцией стоял важный вопрос, какая из частей интеллигенции, представляющей разные классы, должна взять на себя руководящую роль. Такая проблема в начале столетия в сущности не существовала, поскольку мелкодворянский слой влил в себя часть ассимилированной интеллигенции. Одновременно с развитием капитализма этот низкосортный дворянский слой потерял свою привлекательность, а слабая ассимилированная часть бюргерства не могла взять на себя эту роль. Самостоятельные попытки социалистического рабочего движения были подавлены, усилилось действие националистической мысли. Заторможенная, но все таки прогрессирующая общественная мобильность создала частично крестьянскую, а в большинстве своем — провинциальную интеллигенцию. Часть интеллигенции отмеживала себя от мелкодворянского слоя, от бюргерской интеллигенции, но также и от рабочего движения. Сознательно взяла на себя роль представителя крестьянства, которое она не противопоставляла пролетариату, поскольку их отды, в преобладающем большинстве, были еще крестьянами. Вышеизложенные условия привели к тому, что по отношению к обществу стал господствующим националистический круг идей. Этот слой отделился от традиционного, в первую очередь, своим социальным содержанием, а от крайне правых — преобладанием рациональных элементов в вопросе о народе. Автор указывает на то, что важным моментом движения был отказ от капитализма и урбанизации, как от систем, разлагающих общественный быт, приводящих к отчуждению людей. Движение придерживалось «третьего пути» и в политике. Оно не было ни политическим, ни аполитическим, а, в крайнем случае, метаполитическим течением, которое стоит в стороне от повседневной политики и которое в духовной жизни, в культуре и в литературе старается показать свою близость к жизни и народу. В круге проблем, связанных с народным движением, автор указывает как особенно важный вопрос — эстетику движения в области литературы и искусства и другой важный вопрос — связь народного движения с современными науками.

В области истории движение выработало ту концепцию, которая связала всю предшествующую социально-этническую борьбу народа с войнами против Габсбургов за независимость и с идеей восточно-европейской общности судьб и создала дискуссируемое до наших дней понятие «народного национализма». Лучшим примером связи общественных наук и народного движения является социология. Народные писатели больше всего увлеклись социографией деревни.

Работа *Дьердя Ранки*: «Вопросы возникновения и развития пролетариата в восточной Европе до освобождения». В введении автор занимается вопросом определения понятия рабочего класса и указывает на то, что рабочий класс никогда нельзя считать частью только одной структуры, а отображением одного исторического соотношения, и пролетариат, как класс может быть исследован в рамках тех производительных отношений и того общества, в котором он развивается.

При обсуждении вопроса о происхождении пролетариата автор в дальнейшем указывает, что пролетариат родился не только в результате индустриальной революции, хотя именно благодаря ей возник современный рабочий класс. В Западной Европе до индустриальной революции имелся значительный слой наемных рабочих. В возникновении пролетариата в Восточной Европе автор выделяет два различных пути развития. В России, на польских территориях и в Венгрии в конце прошлого века имела место индустриальная революция, которая привела к значительным экономическим преобразованиям без действительного обновления экономической жизни и общества. На Балканском полуострове не имела места даже такая индустриальная революция, и даже в начале нашего века там проявилось лишь начало подобных преобразований. На первых вышеупомянутых территориях в период между 1880 и 1910 годами сильно возросло число рабочих. Приблизительно половина пролетариата работала на заводах, и рабочий класс был очень расчленен. Образовался высококвалифицированный слой городских рабочих, но, в тоже время, деревенское происхождение подавляющей части пролетариата, используемой в качестве чернорабочей силы, еще в течение длительного времени консервировало переходный тип рабочих, не полностью отошедших от деревни и от сельского хозяйства. Этот вопрос не может быть отделен от того факта, что революция в транспорте предшествовала промышленным преобразованиям. При постройке железных дорог и для других крупных работ нанимался человек, который еще долго сохранил свое «двойное лицо». В восточно- и средневропейских сельскохозяйственных странах только для самостоятельных рабочих и рабочих, занятых в цехах, переход в число промышленных рабочих означал снижение материального уровня. Для деревенской бедноты и для аграрного пролетариата — это означало материальный подъем. Тенденция развития пролетариата в период между двумя мировыми войнами значительно изменилась. Воссоединенная Польша и Венгрия, потер-

явшая свои национальные меньшинства, встречали структурные затруднения, рост пролетариата замедлился, а развитие пролетариата в ранее сильно отсталых странах Балканского полуострова стало более динамичным. Одновременно в Венгрии и в Польше сохранился с медленно рос стабильный слой рабочих, увеличился наследственный слой пролетариата. Пролетариат Балканских стран и, в тоже время, рабочий класс складывался в основном из «двуликих рабочих», и даже, если они переселились в города, как представители первого поколения пролетариата, они сохранили многое из деревенских традиций. Причину того, что именно этот пролетариат после второй мировой войны мог стать руководящей силой общества, автор видит в том, что, во-первых, существование Коммунистической партии умножило силу молодого рабочего класса, и, во-вторых, как на это указал Маркс, для того, чтобы один класс мог стать преимущественно классом освободителем, необходимо, чтобы другой класс был классом угнетателей.

Доклад Эрвина Памлени занимается предметом и методом историографии. Предмет историографии даже в наши дни является спорным вопросом с точки зрения буржуазных и марксистских историков. Неопределенность в определении основных понятий историографии доказывает в том числе и то, что сам термин историография, как название научной дисциплины используется непоследовательно. Иногда под ним понимают саму историю, но все шире укрпляется истолкование историографии, как истории науки истории. Доклад схематично знакомит с подходами буржуазных историков к предмету историографии. Исследовав крупные синтезы и изучив круг идей английского консервативного историка Х. Буттерфильда, автор пришел к выводу, что буржуазная историография из определения предмета старается исключить историю теоретических элементов науки истории и это стремление вызывает медленный сдвиг в пропорциях предмета этой дисциплины от теории к истории практики. Эта тенденция соответствует тому направлению среди буржуазных историков, которое старается обойти сферу принципиальных проблем, больше стремится к экстенсивному расширению исследованной области.

В другом направлении развивалась марксистская историография: круг ее проблем за прошедшие два десятилетия расширился, охватывая все большие территории. В первое время историографию рассматривали, как разновидность общественно-политического мышления, позже приняли ее, как историю науки истории. Имели место попытки, авторы которых, в связи с конкретным вопросом, исследовали все культурные творения, носившие исторический характер. Докладчик считает, что самое логичное и точное определение предмета историографии дал Л. В. Черепнин, помнению которого, предмет историографии — процесс накопления исторических знаний, развитие методики и техники анализа исторических источников, изменение проблем исторических исследований, и, наконец, развитие тех теорий, изменение которых служило исходным пунктом для исследования исторического процесса. В связи с этим определением в докладе подчеркивается, что помимо научных работ, в развитии истории большую роль играет отношение к истории политиков и журналистов, стоящих вне ученых кругов.

Буржуазные историки упорно ищут те принципы, использование которых даст им возможность раскрыть отправные моменты и само внутреннее идейное содержание исторической науки; ключ к таким исследованиям принадлежит марксистской историографии. Но это ключ не готов: его надо всегда заново формировать для решения конкретной проблемы.

Работа Петра Ханак знакомит с предисторией пасхальной статьи Дека, и является частью большой монографии, анализирующей предпосылки компромисса. Отправным пунктом является тот факт, что полуконституционный режим Шмерлингав результате серии неудач в конце 1864-го года пришел в состояние кризиса. Одним из признаков этого явилась осенняя сессия Рейхрата, который в своем обращении (Adresse) и еще в большей степени в ходе дискуссионного обсуждения этого обращения критиковал действия правительства с оппозиционной точки зрения и торпил договор с венграми. Пешт сердечно реагировал на выступление пештских либералов: написанное Йозефом Этвешем «Мнение» показывало склонность к компромиссу. В атмосфере разрядки закончил и опубликовал свою работу об истории права и о политике Ференц Деак: «Добавление к венгерскому общественному праву». В докладе подробно анализируется возникновение и идейное содержание этой работы: хотя теорию австрийского экономиста-общественника Л. Лускандль о реалунии между Австрией и Венгрией и отрицает, но связь персонально союза истолковывается таким образом, что остается открытая дверь для компромиссных переговоров. «Добавления . . .» являлись сдвигом с позиции выжидания и почти незаметным отступлением от платформы 1861-го года, защищающей конституцию 1848-го года.

Склонность пештских либералов к компромиссу встретила с победным стремлением монарха. Работа в деталях знакомит с переговорами барона Аугуса и Деака, на которых Деак конфиденциально изложил свое мнение об условиях компромисса, прежде всего, считалось необходимым восстановление территориальной и политической целостности страны и, в соответствии с этим, созвание венгерского государственного собрания. Деак придерживался принципа правовой непрерывности, но склонялся к корректировке конституции 1848-го года, а, именно, к признанию *общих дел* и совместному их ведению в соответствии с венгерской конституцией. Во время переговоров он неоднократно подчеркнул, что стоит на базе «Pragmatica Sanctio» 1723-го года, и признает, что *безопасность прочного существования империи не может быть подчинена никаким взглядам*. Эта платформа в последствии стала политическим базисом компромисса.

Работа придает очень большое значение переговорам с Аугусом. Они начались не по личной инициативе, а стимулировались в самых высоких сферах, и впоследствии поддерживались в самых высоких сферах, и впоследствии поддерживались Францом Иосифом. Но с точки зрения монарха эта миссия была не изолированной акцией. Он хотел не только ликвидировать в Венгрии зашедший в тупик режим Шмерлинга, а стремился к более глубоким изменениям: не доверял насильственному поддержанию централизма немецкого характера. И в Австрии в феврале 1865-го года шли приготовления к созданию новой конституции, велись переговоры с избранным главой нового правительства — наместником Чехии Рихардом Белкреди. Одновременная миссия Аугуса и назначение Белкреди не являлись каким-то случайными «параллельными акциями», а были органической частью стремления к преодолению кризиса всей империи.

В этом отношении большую роль сыграла внешняя политика, нарушение многолетней дуалистической политики с Пруссией, боязнь аннексионных планов Бисмарка. Против «малонемецкого» единства под главенством Пруссии Франц Иосиф мог бы обратиться к средним немецким государствам и австрийским немцам, мог бы сослаться на немецкие национальные чувства. Но для него, хранителя принципа национального суверенитета, была далека любая национальная идея и даже тактика, использующая национализм. Поэтому дорогу из сложившегося кризиса он искал не в соревновании использования идеи и методов национализма, а в восстановлении равновесия в многонациональном владении династии, в осовременении «исторического дуализма» монархии путем комбинации его с автономизацией. Поэтому его выбор пал на Деака и Белкреди.

Деак, используя верховную поддержку, весной 1865-го года активно выступил в интересах компромисса. Полемизируя, обычно, с центральный венской прессой и политиками, мастерски подготовил поворот Венгрии к компромиссу. Первым публичным знаком этого была *насмешная статья* Деака, которая вышла в свет 16-го апреля 1865-го года, и в которой он перенял не только принципы переговоров с бароном Аугусом, происходившие 25-го февраля и 7-го апреля, но и некоторые формулировки этих переговоров. Пасхальная статья, таким образом, не инициировала поворот, а только обнародовала его, заявив о взаимной склонности к компромиссу и общности основных принципов договора.

Работа *Дьердя Шпира* занимается левым течением в революции 1848-го года.

Этот номер журнала из подготовительных работ, связанных с готовящимся 10-ти томным синтезом истории Венгрии, публикует работу *Ласло Бенцеди*, который занимается антигабсбургским заговором венгерских дворян.

Отдел журнала «Мастерская» публикует исследовательский отчет *Жужы Л. Надь* о связи живущего в эмиграции Яси Оскара с венгерскими буржуазными радикалами в период между двумя мировыми войнами.